

Литературная деятельность Александра Сенкевича чрезвычайно разнообразна. Профессиональный востоковед, индолог, доктор филологических наук, культуролог и культуртрегер, он, кроме того и сверх того (то есть в моих глазах выше всего!), ещё и поэт, и переводчик поэзии, эссеист и критик, прозаик и автор беллетризованных биографий. Мы с Александром Николаевичем — давние друзья, но первоначальное, поверхностное моё с ним знакомство состоялось ещё в давние времена, граничащие с туманной юностью. Я тогда прочитал его стихи и заинтересовался творчеством поэта, которому рекомендацию в Союз писателей дал Арсений Александрович Тарковский, по моим наблюдениям, не слишком щедрый на похвальные слова стихотворцам.

С годами появлялись всё новые стихотворные сборники Сенкевича, у которого возник устойчивый круг читателей и даже почитателей. В по-

следнее десятилетие на первый план вышли всё же не стихи, а жизнеописания замечательных исторических лиц. Они опубликованы в известной серии «Жизнь замечательных людей», став бестселлерами, требующими всё новых допечаток. Это — книги о теософке и авантюристке Елене Блаватской, о создателе одной из великих мировых религий Будде Шакьямуни (какой отваги требовал этот всемирно-исторический сюжет!). И только что вышедшая — о писателе и кумире нескольких поколений Венедикте Ерофееве. Казалось бы, странное и дерзновенное сочетание. И всё же перед нами возник некий триптих, свод повествований о духовных поисках и мистическом гонении... Это итоги основательной работы, требовавшей обширной эрудиции и оригинальных философских раздумий. В случае Блаватской и Ерофеева, это и плоды напряжённых архивных изысканий и находок, счастливых встреч и под-

лильных открытий. Перед терпеливым исследователем возникали вереницы потаённых и мало кому ведомых биографических подробностей. И так всё отчётливей очерчивались свойства и подлинные масштабы личностей, столь волнующих воображение. Всё это так, но строгость и точность в подаче насыщенного материала в книгах Сенкевича сочетается со стилистическим изяществом и с необыкновенной живостью воображения. С тем жаром видений и внезапных наитий, который позволяет вспомнить сказанное Достоевским о Герцене: «Во всём поэт по преимуществу».

О поэтике Александра Сенкевича точно написал Евгений Рейн: «Между стихами и реальностью никакого зазора, иногда кажется, что эти стихи — просто набросок, остановившееся мгновение, пойманное словами, как рыба сетью. Однако они скрепляются единством интонаций, неким всем им предшествующим и в них слышным размахом, единством лирического переживания. Это определяет и поэтику, чёткую, внятную и порой стремительную. Далёкие, например, восточные образы смыкаются в единое целое, не требующее буквальной расшифровки, но в своей естественной чистоте и простоте — вполне убедительное.

Многие стихи обладают сильным и точным дыханием, да и весь поэтический строй у Александра Сенкевича, несмотря на сужающий границы жанр посвящений, обладает резким и, я бы сказал, выстраданным звуком. А звук — самая важная вещь в стихах». Эта внятная поэтика и драматична, и диалектична. Вот небольшое запомнившееся мне стихотворение: «Стоят предметы неподвижно, // приземисты и тяжелы. // И тишину, как сок, я выжму // из прелой мякоти жары. // Дойдя до сокровенной сути, // где чудеса разрешены, // смогу я сохранить в сосуде // густые капли тишины. // Чтоб осенью и даже после, // когда ветра своё возьмут, // открыть среди разногосыя // покрытый плесенью сосуд. // И слабым быть, и виноватым, // и выпить всё, себя кляня. // И станут эти капли ядом, // а может быть, спасут меня».

С Сенкевичем меня сблизила любимая и неистощимая Индия. Он всегда был неутомимым вожатым гималайских экспедиций. Что и говорить, 80-летие, с которым сердечно поздравляю Александра Николаевича, — солидная дата. Но я убеждён: у него ещё есть силы и для новых книг, и для того, чтобы вновь подняться на перевал — к вечным снежным ликам высочайших вершин.